

С. Ф. ПЛАТОНОВ

Памяти В. О. Ключевского

Что могу я сказать о В. О. Ключевском, не слушав его курсов и не принадлежав к числу его учеников по университету? Мои личные воспоминания о В. О. не имеют общего интереса; чем излагать их, — не лучше ли будет представить здесь несколько строк, посвященных тому, каков казался В. О. «на расстоянии», людям, судившим о нем более по слухам и печатной строке, чем по личным впечатлениям?

Я отчетливо помню, как, будучи петербургским студентом, узнал я от московских сверстников о первых шагах «доцента» Ключевского в Московском университете. Я помню, что исключительный лекторский дар В. О. Ключевского произвел сильнейшее впечатление на аудиторию, в которой тогда были студенты: М. К. Любавский, П. Н. Милюков, М. С. Корелин, Р. Ю. Виппер... Семинарий Ключевского сразу стал цениться столь же высоко, как и семинарий В. И. Герье. Одновременно с блестящим университетским выступлением В. О. Ключевского начался его литературный успех. В январской книге «Русской мысли» за 1880 год появилось начало его знаменитого исследования «Боярская дума древней Руси». Выпущенное в 1882 году отдельным изданием, оно послужило В. О. Ключевскому докторской диссертацией, защита которой обратилась в триумф. Московский корреспондент газеты «Голос» писал о диспуте Ключевского: «Истинным событием дня на нынешней неделе был диспут известного ученого г. Ключевского, занимающего уже несколько лет в здешнем университете столь ответственную кафедру русской истории, осиротевшую после смерти Соловьева. Давно уже, а может быть и никогда, древние стены здешней *almae matris* не были свидетелями такого шумного и единодушного восторга, как тот, которым встретила многочисленная публика и студенты появление г. Ключевского на кафедре. Среди благоговейной тишины оратор произнес свою вступительную речь, которая поражала как

глубиной содержания, так и изяществом формы. Скромно и очень просто изложил он главные выводы своей диссертации, имеющие, по единогласному отзыву официальных и неофициальных оппонентов, громадное значение для историографии... Впечатление, произведенное диспутом г. Ключевского, было близко к восторженному энтузиазму. Знание предмета, меткость ответов, исполненный достоинства тон возражений — все это свидетельствовало, что мы имеем дело не с восходящим, а уже взошедшим светилом русской науки. Нужно же было и видеть, каким громом аплодисментов встретила публика и учащаяся молодежь провозглашение г. Ключевского доктором русской истории. Кто видел это сердечное, безграничное, восторженное поклонение таланту высокого учителя, тот не забудет никогда этих минут...» (Голос, 4-го октября 1882 г., № 269).

С той поры имя В. О. Ключевского получило широкую, всероссийскую известность. Не только его ученики и слушатели, но и читатели его произведений, любители и специалисты, признавали в нем исключительные дарования и познания. Авторитет В. О. Ключевского рос непрерывно, и сам В. О. Ключевский умел содействовать этому росту новыми трудами. Двоякого рода были его дальнейшие труды. Во-первых, В. О. Ключевский печатал в журнале «Русская мысль» ряд специальных монографий большого историографического значения; во-вторых, он выступал по разным случаям с «речами», обращенными к широкой публике. Из его монографий особенно замечательны: «Происхождение крепостного права в России» (1885), «Подушная подать и отмена холопства в России (1886), «Состав представительства на земских соборах в древней Руси» (1890–1892)¹. К числу таких же монографий относится и «Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему» (Чтения Моск. Общ. Истории и Др. Росс., 1884)². Во всех этих исследованиях читатели находили любопытнейшие выводы, оригинальные точки зрения, свежий и ценный материал. Монографии В. О. Ключевского давали толчок к дальнейшему изучению и исследованию, будили мысль, создавали направление. Популярными «речи» В. О. Ключевского обыкновенно приурочивались к общественным торжествам и юбилейным дням. Весьма известны две речи о Пушкине (1880 и 1887 гг.) — по поводу открытия Пушкинского памятника и в пятидесятилетие кончины Пушкина³. Не менее известны слово в память преп. Сергия Радонежского (1892) и лекция о «добрых людях древней Руси» (1892)⁴. Все эти и подобные им произведения В. О. Ключевского так обдумывались и обрабатывались, что не только служили украшением праздника, на котором были сказаны, но и навсегда делались образцами научно-изящной популяризации.

Репутация Ключевского как большого ученого и превосходного лектора поднялась и до весьма высоких кругов. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович⁵ в своем дворце не раз устраивал избранную аудиторию для Василия Осиповича. В 1893–1895 гг. В. О. Ключевский был приглашаем в Аббас-Туман для чтения лекций великому князю Георгию Александровичу⁶. Позднее, в 1902 году, университетский общий курс русской истории В. О. Ключевского был издан в весьма высоких сферах (по газетным сообщениям — графом С. Ю. Витте) в количестве всего 50 экземпляров и без ведома самого Ключевского, который по этому поводу писал, что «автор не принимал участия в этом издании, даже не знал о нем долгое время, не имеет его экземпляра и не искал его иметь». Столь же неожиданный, сколь и лестный симптом популярности курса, по-видимому, озаботил Василия Осиповича не меньше, чем те литографские его издания, в которых со многими неисправностями и без всяких разрешений печатались «пестрые студенческие записи, приблизительно и на свой страх воспроизводящие изложение профессора». С 1904 года В. О. Ключевский сам начал публиковать свой «Курс русской истории». Последние семь-восемь лет жизни были им посвящены исключительно обработке этого курса, которую В. О. Ключевский решил, по его словам, предпринять «в близости конца преподавательской работы». Покойный не успел довершить этого дела: вышло всего четыре части «Курса»⁷ — до Екатерининской эпохи. Предсмертная болезнь застала Василия Осиповича на пятой части труда, издания которой ждем от его сына и наследника.

Таков научный формуляр В. О. Ключевского. В. О. Ключевский всегда и всецело принадлежал науке. Можно сказать, что у него не было «биографии»: вся его жизнь прошла в Москве, за книгами и рукописями, за чтением лекций и за кабинетною работою. Его отдыхом бывала, говорят, рыбная ловля да беседы в оживленных кружках московской университетской интеллигенции. Охотно выступая на кафедре и много работая в кабинете, он был, в сущности, доступен очень немногим, близким к нему лицам. Трудно поэтому дать его характеристику и изобразить генезис его взглядов и основы его мирозерцания.

Для людей, которые не стояли близко к Ключевскому и знали его по его трудам или же видали его на кафедре и в ученых собраниях, знаменитый историк представлялся обаятельным, своеобразным и даже несколько загадочным по своей сложности лицом. К Ключевскому влекла необыкновенная сила его ума и остроумия и яркая красота его языка и речи. Когда он говорил свои обдуманые и даже, казалось, заученные лекции и доклады, невозможно бывало оторвать

внимания от его фразы и отвести глаз от его сосредоточенного лица. Властная мощь его неторопливо действовавшей логики подчиняла ему ваш ум, художественная картинность изложения пленяла душу, а неожиданные вспышки едкого и оригинального юмора, вызывая неудержимую улыбку, надолго западали в вашу память. Подобные же впечатления вызывали и те статьи Ключевского, которые были рассчитаны не на одних специалистов. Их чтение не только вас убеждало и учило, но и давало вам эстетическое наслаждение — богатством и точностью языка, блеском выразительной и красивой фразы, художественностью концепций. Ключевский совмещал в себе силу ума и богатство ученого знания с талантом поэтического восприятия и воспроизведения. В этом секрет его обаяния. Не на всех, однако, равным образом действовали особенности научного дарования Ключевского. Были критики, указывавшие на то, что изобразительность изложения Ключевского, переходившая иногда в вычурность и манерность, являет собою ученое безвкусице и литературную искусственность. Известно, например, нетерпимое отношение проф. В. И. Сергеевича ко всему, что ни писал Ключевский. По мнению покойного юриста, «в сочинениях такого рода (каковы сочинения Ключевского)... выяснить себе настоящую мысль автора нередко представляется делом очень нелегким». Обусловленное разностью ученых приемов и взглядов, осуждение Сергеевича имело и субъективно-психологическую основу — в чрезвычайном различии духовной природы обоих исследователей. Формально точный и сухой логический ум Сергеевича был очень далек от понимания манеры, с какой создавались труды Ключевского. Иногда сам В. О. Ключевский отступал от своего обычного способа изложения и печатал некоторые монографии без полной стилистической отделки. Таков, например, его очерк первоначальной истории городов на Руси, помещенный в первой редакции «Боярской думы» («Русская мысль», 1880 г. № № I, 3, 4 и 10). Таков «Русский рубль» и отчасти — исследования по истории крепостного права и земских соборов. Обращаясь от этих специальных работ к более популярным и общим трудам Ключевского, легко можно чувствовать, как много содействовала целости и силе впечатления усвоенная Ключевским в последних трудах своеобразная литературная манера. Да, великим мастером слова был Ключевский! Никто другой не умел дать читателю таких цельных и гармоничных настроений, как он; никто другой не умел так обвеять вас впечатлениями отжитых эпох.

Спокойствие объективного историка в высшей степени было присуще трудам Ключевского. Он умел не увлекаться полемикой ни с настоящими историками, ни с деятелями прошедшего. Полемический

элемент вовсе отсутствует в исследованиях В. О. Ключевского; обходятся даже такие ученые мнения и выводы, с которыми, казалось бы, естественно было сосчитаться*. И в прошлое смотрит наш историк если далеко не равнодушно, то весьма сдержанно, не показывая «ни жалости, ни гнева». Суд историка у Ключевского действует чаще всего посредством мимолетного сарказма или же благодушного, но меткого юмора. На читателя очень воспитательно влияет постоянное умение Ключевского быть спокойным и серьезным, несмотря на способность к едкой шутке. Тем неожиданнее проблески некоторого пессимизма и скорбного настроения в Ключевском. Иногда читатель чувствует, что историк как бы не удовлетворен настоящим. В одном из курсов Ключевский, например, так отзывался о своей современности: «Надо признаться, что это поколение, к которому принадлежит и говорящий, доселе плохо разрешало свои задачи, и надо думать, что оно сойдет с поприща, не разрешивши их». Иногда же (и чем позднее, тем чаще) скорбь и негодование историка обращались в русское прошлое. В IV-й части «Курса» можно отметить несколько поразительных в этом отношении мест. Они таковы, что заставляют думать о росте пессимизма в пожилые годы историка и о некоторой убыли прежнего научного самообладания. Но и вообще и всегда внутренние настроения Ключевского могли порождать недоумение своею сложностью и неожиданностью. Мы помним, какое удивление вызвала всеми именно Ключевскому усвоенная статья «Грусть», подписанная буквою К и напечатанная в «Русской мысли» 1891 года в память 50-летия кончины М. Ю. Лермонтова⁸. В статье звучали такие элегические струны, царило такое настроение «поэтической резиньяции», каких нельзя было и предполагать в «историке Ключевском». Столь же мало от историка Ключевского можно было ожидать той степени лиризма, с какою была им написана речь памяти императора Александра III (1894)⁹. Эти два выступления Ключевского были учтены как симптомы душевного перелома, переместившие его вправо от прежних позиций. Но прошло десятилетие, и последние годы застали нашего историка на прежних позициях. Душевный «перелом» не был переменою взглядов и чувств; он оказался только симптомом большой душевной сложности, в которой сплелись мудреным узлом самые разнородные элементы русской стихии и общечеловеческой мысли.

---

* Так, В. О. совсем не полемизировал с В. И. Сергеевичем. Любопытно сказанное мне им когда-то шутливое замечание, что Сергеевич тем похож на Грозного, что оба они привыкли идеи перекладывать на нервы. Этою шуткою В. О. дал мне понять, как он относился к нападкам Сергеевича.